

18+

18+

ПОРЦА

ИЛЛЯ БОНДАРЕНКО

Илья Бондаренко

Порча

«Издательские решения»

Бондаренко И.

Порча / И. Бондаренко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-536791-4

Эту книгу написал не я, ее написали — вы. Она соткана из наших с вами случайных и роковых встреч, бесед, монологов и взглядов, из того, в чем вы сознались и того, о чем решили умолчать. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-536791-4

© Бондаренко И.
© Издательские решения

Порча

Илья Бондаренко

Редактор Нари Ади-Карана

Корректор Татьяна Краснова

Корректор Елена Парамонова

Дизайнер обложки Илья Бондаренко

© Илья Бондаренко, 2023

© Илья Бондаренко, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0053-6791-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Эта книга – марш-бросок моей ненависти. Ненависти к людям, отнявшим у меня глупую в них веру. По-хорошему, я должен ненавидеть саму эту веру или себя за нее, но я ненавижу их.

У меня есть план, как отомстить им за свою глупость. Но прежде чем оторвать голову от железной сетки кровати и предъявить тишине свое полуголоое тело, я хочу еще раз заявить и заявляю, что ненавижу каждого человека и каждое здание, которое будет упомянуто далее. Говоря «каждого человека», я имею в виду, конечно же, всех, за исключением Марка, о котором всегда буду вспоминать с нежностью и теплотой.

Стоит ли перечислять все, что было надето на мне той зимней ночью? – Думаю, – да, это совершенно необходимо сделать. – Штаны поверх еще одних штанов, вязаная бабушкой шапка, красная девчачья куртка с торчащим в районе локтя куском ваты. Я так стыдился этого своего одеяния, что не замечал сильного запаха смолы и почти не чувствовал пыли, а думал только о том, как бы казаться помужественнее, ведь в нескольких метрах от меня два здоровых мужика в рабочих рукавицах разбирали кирпичную стену.

– Марк! – вопил человек с черным лицом, – давай вон тот слепок.

Марк что-то кричал в ответ, улыбался (он всегда улыбался и еще всегда шутил) и подбрасывал намертво слеplенные кирпичи. Чернолицый толкал их валенком на ровное место и замахивался ломом. Это продолжалось два, а может три часа, без перерыва и без антракта. Ночь, стук железа о камень, блеск отдельных снежинок в свете желтого фонаря. К концу представления я так замерз, что почти не чувствовал ноги. Не отогрелся даже в кабине тепловоза, на котором мы потом куда-то долго ехали. Руля в кабине не было. Не было совсем. Ну, то есть тепловоз ехал вообще без руля. На месте, где он отсутствовал, стоял чернолицый и переключал какие-то железные штуки, а Марк стоял рядом и ничего не трогал, только показывал пальцем в черное стекло и шутил, чтобы не так холодно было.

Через много лет с болью в сердце я узнаю, для чего оказывается нужны людям кирпичи. Но ничего уже не смогу изменить. А тогда я мог. Только не знал.

Заброшенный дачный кооператив. Деревня называется по номеру шахты, где добывался сто лет назад бурый уголь.

Заборы из ржавой в несколько рядов проволоки, как разбитые гитары, легли под ноги лагерных заключенных. Ставни заварены железными листами, один лист отогнут, стальная дверь выворочена. Марк не живет тут уже четверть века. Лагерные заключенные обновились, и я – один из них. Мой лагерь находится неподалеку. В нем я умру. Моя камера в последние полгода особенно безжалостна ко мне. Но с сегодняшнего дня я постараюсь поменьше плакать перед своими надзирателями и также постараюсь не фиксировать свой взгляд на этих вот железных прутьях.

Тюрьма в биографии человека является фактом, подтверждающим серьезность его намерений. Я подтверждаю серьезность намерений на южной оконечности Тулы.

Сказать по правде, жалость к надзирателям – единственное, что меня тут удерживает, поскольку, если я уйду, они лишатся своей работы и утратят смысл жизни, станут несчастны и ни для чего не нужны. Не хочу, чтобы на Земле существовало несчастье и ненужность. Очень это тяжело, когда ты не нужен. Цель моей жизни поддерживать иллюзию их нужности, а значит – счастье.

Как я и говорил, в последнее время, это дается мне с большим трудом. Настолько большим, что живущий здесь человек едва ли может продолжать зваться моим именем. Это приносит надзирателям много страданий. Я не могу смотреть, как они мучаются и иногда все же предпринимаю попытки убежать. В дальнейшем тексте можно отследить эти попытки по меняющемуся стилю повествования.

Только однажды за последние полгода я смог нормально поспать. Мой врач говорит, что это сработало успокоительное. Все остальное время оно почему-то не работает. Врач ничего на это не говорит. Сейчас на моих наручных часах 1:05, я закрываю глаза и начинаю производить для них смыслы, но вместо того, чтобы вспомнить что-то хорошее, вспоминаю

как я стал меломаном

Марка хоронили под живую музыку. Трубач нагнетал, вырывал из легких рыдание пожилых женщин, барабанщик вколачивал под ребра удары, выламывал, сталкивал, невероятно пугал. А на улице, наверное, градусов двадцать пять мороза, все завернулись, – бабы, бестолково угрюмые мужики в своих приличных брюках. Литавры неслись над двором, отлавливая и добивая.

Студень покойника деревенел в фанерной посуде. Казалось бы – выплесни помой из деревянного ящика и кончим карнавал немых, несущих над головами свое убожество! Но тугая мерзлая кукла вызвала странный первобытный интерес. А музыка такая громкая, что прохожие стали бояться своих обреченных тел и тоже промерзли, как шахматные фигуры. Алый человеческий гроб взмыл и завис над толпой. Четверо несущих превратились в единое восьминогое существо, – паука с пирамидальной головой. Оно медленно переставляло лапки, чтоб не упасть и не расколоть тяжелую деревянную голову.

Древний ритуальный автобус «коробочка» молотил на морозе, – мало ли, потом не заведется! Выхлопной газ едкий и маслянистый казался там самым живым из всех, его тело медленно шевелилось и вползало в черные волосы Марка. Медный рев труб разносился по лабиринту в пять этажей. Барабан... Как же глубоко он ухал...

Теперь рядом с холмом Марка совершенно свободно, можно развернуть машину, а хочешь – целый мангал ставь и разбивай лагерь, вешай сушиться штаны, промокшие, когда наша с Лукой лодка напоролась на что-то острое, возможно это была одна из оград или торчащая коряга. И тогда я крикнул Луке, чтобы скорее перебирался на мою сторону. Поскольку лодка уже всю хрюкала и гудела, выпуская дух с его стороны. Лука вжался задом между

моих бедер, и мы стали быстро-быстро, но при этом спокойно, без рывков грести мимо крестов и надгробий, которые становились все выше, – вперед спиной в направлении могилы Марка.

Говорят, что раньше здесь было абсолютно сухо и только лет сорок назад грунтовые воды размыли последние слои породы. Одновременно с этим пошли затяжные дожди. В низине образовался пруд, вода поднялась и захватила отрезок кладбищенской аллеи вместе со старинной частью кладбища. Забрасывать здесь спиннинг – пустое занятие. Поскольку почти все время идет дождь, и мелькают в свете прожектора мокрые кресты, цепляясь за которые, обрывается леска.

С Лукой

мы познакомились

в момент прыжка со второго этажа общежития ПТУ №29. Неправда, что прыжок был без особой нужды, поскольку окно было распахнуто, а дверь заперта.

Директор ПТУ – нервный усач с впалой щекой не меньше минуты совокуплял ключ с дыркой замка. Но потом он принял решение не открывать эту дверь, поскольку ключ был запущен им по идеальной прямой. Вместо этой двери усач приказал открыть любую другую из тех, что наряду со стеной, образовывали вертикальную часть мира. Впоследствии я прикрепил на нее отрывок одного из стихотворений Марка. Мимо него ходили музыканты, художники и поэты. Они ходили там целыми сутками, ходили, а я все ждал, что кто-то остановится и прочтет эти пять строчек, поскольку во всей остальной стене без них не было никакого смысла. Но все шли мимо, не поднимая головы, и только однажды какой-то неизвестный, то ли дворник, а может новый вахтер, направил взгляд от пола сначала на плинтус, потом на ручку двери, потом на саму дверь. Подойдя ближе, он посмотрел на строчки, и я затаил дыхание...

В каморке за стихотворением Марка находились большие, пахнущие сигаретным дымом, музыкальные колонки, провода и ручки громкости. Лука сказал, что кто-то из музыкантов древности трахался в этой комнате с лже-Дедом Морозом, то есть имел опыт интимного ухаживания за большой ряженой женщиной. Но не за Снегурочкой, – уточнил Лука, – а именно за дедом с посохом, огромным носищем и грудным низким голосом. Почему-то мне кажется, это он и был, – рассказать хотел, а признаться стыдился.

– Скромность, – говорил Лука, – это такой маленький жучок, его почти никогда не видно, узри мы причину всех своих бед, давно бы с ними расправились. – Нужны пестициды и склад, вода и распылитель. Но главное, нужна очередь из дачников, готовых бросить работе тяжелую перчатку вызова.

Все подобные места кончают свою историю одинаково. Как только музыка в колонках утасла, ПТУ №29 в три этажа разобрали до фундамента вместе со всеми его корпусами, окнами и видами из них.

Сотни и сотни азиатов в сапогах из резины начали подступаться к зданию со всех четырех сторон пригорка залитого дождями в тот самый момент, когда неизвестный вахтер или сторож поднял глаза на стихотворение. Некоторые из рабочих падали в воду, вытягивая руки, чтоб ухватиться за выступы гранитных памятников, перемигивались фонарями на касках, стучали кирками и лопатами, выражая солидарность с несчастными и предателями, солидарность с миром вообще. И когда последний азиат, хватаясь за узкое надгробье, сказал – спасибо тебе могила, – этого уже никто не услышал. Поскольку тут давно не было ни меня, ни Луки, которому в любой фразе принципиально мерещилось что-то вроде «на-пе-ре-док сла-бы».

Свое настоящее имя Лука никому не сообщал. Я даже не уверен, что его жена была в курсе, потому что по паспорту он тоже значился гражданином Лукой Городничевым. Я узнал,

что это имя подделка – случайно. Как-то раз мы имели неосторожность смешать шампанское и обыкновенный самогон, после чего с Лукой сделался приступ откровенности, а со мной приступ жалости к себе. В итоге мы наплели друг другу такого, о чем нормальные люди не только не рассказывают, но стесняются даже знать. Когда тяжелое похмелье встало перед окном нашей комнаты, я понял, что в обрывках памяти лучше не копать. Последним воспоминанием, на которое я еще мог, кое-как, согласиться был ноготь с большого пальца, оказавшийся в моем пивном стакане и который я чуть не проглотил. Если ноготь принадлежал Луке, то справедливо будет уточнение, что это ноготь большого пальца левой руки. Поскольку на правой – большой палец отсутствовал. Его отхватило в цеху обоевой фабрики, где Городничев проходил стажировку после института.

В жутких лабиринтах бреда мне мерещилось, что ночью мы целовались. На фоне всего вышперезжитого, такая мелочь как имя совершенно утратила вес. Я до сих пор прихожу в ужас от возможности его вспомнить, поскольку боюсь вспомнить вместе с именем и всю ночь целиком.

Если верить слухам, в последнее время Лука занимался важным делом отращивания бороды у себя в деревне, забыв о том, как нежно мы с ним когда-то дружили. Эти слухи он распускал про себя сам, чтобы враги снизили градус экзальтации. На деле – готовилось что-то серьезное, способное изменить будущее, то, что касалось каждого человека. А я сидел в своем лагере на окраине Тулы, точно такой, как и раньше, не поменявшись даже в лице. – Так мне сказала Дана, – давнишняя подружка, которую я не шлепал по голой заднице целых десять лет. Ведь все это время я был влюблен в Марию, которая была в миллион миллионов раз лучше и красивее всех этих голых задниц, ног и чулок, которые они натягивали...

Когда проводишь свою

жизнь в заключении

то всякое время года – нехорошо. Особенно трудно, когда на улице светит солнце или оно угасает. В вечерние тихие часы, перед приходом Петра. Тишины становится так много, что она доставляет физическую боль. Ее невозможно спугнуть, она ничего не боится, она огромна, больше всего, что есть на свете, – железных цепей, решеток и коридорного эха. И даже не так, – решетки, железные цепи и эхо – малая часть ее проявления.

Я пытаюсь вспомнить, в какой из моментов жизни она меня абсолютно подчинила... Пятнадцать лет назад, к примеру, мой день начинался так, – я отдергивал зеленую штору и глядел на статичный пейзаж. Движение ему придавали только вороны и ветер. Я надевал старые вещи, пил кофе и выбирался наружу. Туда, где все состояло из людей и вещей им не принадлежащих. Казалось, что любой может подключить себя к этой машине, производящей общество. Надо только вставать пораньше и идти в направлении центра, откуда расходится кругами человеческое волнение.

Однако не так давно мне стала доступна новая истина – к этому общему нечто могут подключиться абсолютно все – инженеры, политики, их охрана, водилы, подъездные попрошайки, чистильщики дорожных знаков и загрязнители придомовых территорий, старухи и гнусные парни, короче говоря, все кроме меня. Они постоянно делают вещи, которые кажутся мне глупыми и в результате получают от этой машины все, что им надо.

Так было с моей женой, с моей девочкой, до тех пор, пока она от меня не ушла. Так происходит с ней теперь и, уверен, будет происходить дальше.

Практически все свое время я провожу в небольшой камере. У меня здесь только мои дела, не касающиеся больше ни одного человека. Я пишу книги и рисую. Ненужные книги. Точно зная, что не получу на них даже отзыва надзирателей. Хотя они всегда радуются и благодарят, когда я им что-то дарю.

В последний год надзирателей у меня три – Пётр, Павел и Валентина. Двое из них периодически сменяют друг друга. Они могли бы делать это через день или два, но обычно они сменяются несколько раз в течение суток. Пётр всегда одет в строгую военную шинель, если, конечно, я не путаю шинель с бушлатом, а бушлат с кителем. Тонкая полоска усов делает его похожим на мафиози. Когда я подхожу к умывальнику и закрываю глаза, чтобы плеснуть в лицо воду, в воображении оживает его маленькое сухое лицо. До сих пор не могу к этому привыкнуть и пугаюсь. Пётр всегда безупречно вежлив и отвечает за пытки.

Валентина – второй по важности тюремщик, хоть она и не принимает в расчет мнения остальных. Пётр для нее – подсобный рабочий. Она наделена властью заботиться обо мне, как и когда посчитает нужным. С ее слов и эта камера, и эта тюрьма, и я, существуем только благодаря ей. Она постоянно недовольна и всегда отвечает отказом на просьбу передать управление мной Петру или Павлу. Если я выхожу из камеры в ее смену и задерживаюсь в проходе хотя бы на несколько секунд, она сразу старается подойти и высказаться относительно того, что сегодня я делаю не так. Поскольку только она одна знает, как надо. Валентина пережила большую часть заключенных и со всеми обходилась примерно одинаково. Она мощно гремит в дверь, потом впихивает свою грудь в помещение камеры и принимается отчитывать, говоря, что и как заключенный делает неверно. Меня она отчитывает за то, что я пишу и рисую вместо того, чтобы убирать паутину, следить за порядком и вести хозяйство, как это делают остальные. Иногда она с руганью отбирает у меня вещи и приносит их постиранными. Когда ей кажется, что я вот-вот сломаюсь от ее напора, она пробует меня успокоить. Спрашивает, как у меня получаются мои рисунки. Я, действительно, начинаю успокаиваться и объясняю, что когда боль соединяется с электричеством, в темноте возникает образ. Я вижу его и пытаюсь перенести на бумагу. Образы очень хрупкие и ломаются. Моя задача – чинить их и сглаживать. И ненавидеть себя, когда сломанное невозможно восстановить. В этот момент Валентина открывает банку с какими-то соленьями и умоляет, чтобы я попробовал хотя бы капельку, каждый раз причитая, что сегодня слишком много уксуса или мало соли. Терпеть ее сложнее, чем остальных, и я стараюсь не питаться вовсе.

Павла я пока еще не видел. Говорят, что он заходит в камеру только единожды, для того, чтобы увести кого-то на казнь. Уже полгода, с тех самых пор, как жена моя меня бросила, и солнце начало палить черным, мне хочется только молиться, чтобы скорее уже пришел Павел и увел меня из этой муки. Ночью я плачу, сжимаю кулаки и призываю его.

Совершенно не помню, и даже не буду предполагать, какая была температура на улице

той весной

когда мы договорились встретиться с Лукой в пятницу в шесть утра.

Он второй день ночевал на соседней улице у своего брата, поскольку его жена имела в этот период месячные. Общаться с ней в ее месячные было опасно. Городничев говорил, что она буквально сатанела, и любое слово могло обернуться потасовкой. Первое время он терпел, но приобретя опыт поражений, решил, что отступление из дома на эти дни – самый разумный выход.

Я шел по камням, пища и громыхая своей телегой. Солнце уже вставало, и легкая занавесь тумана становилась прозрачнее с каждым выдохом.

Мы хотели поплавать на лодке, вытащить что-то из сетей и посмотреть, не появились ли на свободной от затопления части пригорка новые памятники.

Жаловаться друг другу на жизнь для мужчин недостойно не потому, что со стороны это выглядит сопливо. – Я знаю, что за этим последует, – от расстройства мы совершенно точно напьемся до беспамятства, начнем махаться, непьющий брат Луки встанет на колени, умоляя нас остановиться, и в момент, когда я вопросительно на него обернусь, меня отправят в нокаут.

В то время я наблюдал у себя неприятный подростковый нарциссизм. Мне вселяла его Дана. Будучи старше меня на 6 лет, она ровно настолько же была более энергозависимой. Возможно, поэтому наделяла своего юного любовника сверхобаянием, и смотрела в глаза мне с таким вампирическим вожделением, с которым сухая голодная женщина смотрит на веселого старшекурсника. Сейчас мне тридцать шесть и я искренне не понимаю, почему она меня так превозносила, ей даже тридцати тогда не было. Я любил ее честно, как только мог. Я любил ее на переднем и на заднем сиденье машины, любил в общественном транспорте и на детской площадке, любил в реке и на всей мебели, на которой только можно было ее, суку, любить. Она по первому моему желанию раздвигала пухлые ляжки и открывала рот, чтобы я засунул ей туда палец, целовала мои руки, стопы, волосы в паху и на голове. Ее любовь делала меня гордым и глупым. Наверное, за это любовь и ценится.

– Люди, – внезапно сказал Лука, – отличаются друг от друга не силой благородства, а силой привязанности к счастью, – если связь человека со счастьем крепка, надо быть с ним всегда настороже.

Я молчал, наверное, целую минуту. Эта сторона оврага оказалась круче, чем та, где мы спускались.

– Когда-то мой отец был счастлив. Он выпивал двести грамм вина каждый день, – продолжил Городничев, приняв молчание за ответ, а я впился в куст молодой сильной травы, чтоб не уехать со склона, – но потом он привык к норме счастья в двести грамм, и оно превратилось просто в норму, перестав быть счастьем. Но привязанность к счастью оказалась крепка, она пересилила привязанность к норме. В результате он предпочел отказаться от нормы ради продолжения банкета. Но поскольку за любой банкет кто-то должен платить... Короче говоря, он умер. Точка. Когда я посмотрел вокруг и убедился, что его действительно больше нет, меня стал беспокоить один вопрос – как так получилось, что возник непосредственно я? И обнаружилось, что мир состоит из мужчин и женщин. Все они голодны друг другом. В общем, я стал смотреть, чем бы утолить голод самому, но утолить так, чтобы потом уже никогда не захотелось. И первое время мне действительно не хотелось. Все было хорошо и временами не скучно даже. Но потом я заметил, что у нас не только голод бывает, но и тошнота. Я хочу сказать, что когда у нее, блядь, месячные, я проклиная свою голову и день, когда туда пришла мысль на ней жениться!

Мы выбрались из оврага и сели на сырую землю. В низине лежала вода. А перед ней возвышались над цветами верхушки памятников. Кресты напоминали антенны на крыше затонувшего крейсера. Тут и там выглядывали из лопухов штыри и фрагменты лабиринта облезлых оград, как будто все это росло на панцире огромного мертвого рака...

– Поотношаться это одно, а институт семьи редко кто заканчивает с отличием, – попытокнул Лука, – женщина слишком часто и слишком неадекватно уверена в том, что единственное назначение мужчины – делать ее счастливой в собственном увечном понимании этого слова. Да и у мужчин не многим креативнее. Отсюда – война, бомбежки, кресты, калека побирается между машин на светофоре, и небо находится там, где мы привыкли его видеть, а не там, где оно должно быть на самом деле. Но запомни, Илья, мое слово и секунду, в которую я его произношу, – когда-нибудь я займусь этой проблемой серьезно!

Солнце вставало... Оно вставало, а мы шли, скрипя расшатанной телегой, в которой находилась свернутая резиновая лодка, и роса с высокой травы шагала нам на штаны.

Второе имя Петра

точнее его прозвище – Пётр-Звонарь. Сегодня утром, когда я еще лежал на своих нарах, он молча вошел и сел рядом, от него исходил еловый запах боли. Пётр не здоровался и ничего не говорил, просто смотрел. Я отвернулся к другой стене. Я уже знал, что сейчас будет происходить. Звонарь мысленно накидывает петли на мои внутренности, на ноги, суставы рук, на шею, на легкие, управляющие дыханием, потом он кладет ладонь мне на голову. Сначала я не чувствую ничего, просто понимаю, что он подключается. От этого нельзя убежать. А если начинаешь убегать, он настигает тебя в любом месте. Потусторонняя сила давит на грудную клетку, страх медленно раскрывается, как дым или пасть рыбы, хватаящая блесну, хватаящая ее настолько медленно, что слышны падающие с весла капли. Смерть – привычное явление для рыбы. Ее время настолько плавно, что уже полгода она не голодна.

Неожиданно Пётр останавливается. Я лежу глядя в одну точку, и тут он начинает аккуратно потягивать нити, подключенные к ногам. Одеяло внизу натягивается. Я поворачиваю к нему лицо, – как она могла так поступить? Пётр улыбается, я чувствую то же, что чувствует он... шея, колени... все сжимается, стены камеры исчезают, и что-то извне врывается с вихрями черного воздуха.

Когда мы только встретились с Марией, она была такой уютной... Сначала у нас практически не было совместимости. Но чем дольше мы жили, тем моя девочка становилась все более моей и все более красивой. В конце ее тело стало для меня совершенным, немислимым. Я привык к этой красоте и почти никогда не говорил ей об этом, не хвалил...

Пётр смотрит на мои торчащие ключицы и ребра, грудная клетка начинает медленно подниматься. Он упирается коленом в спинку кровати. Его лицо – идеал сосредоточения. Я не могу самостоятельно пошевелить ни одной мышцей, моя спина начинает плясать в скопленном ледяных осколков. Вокруг – абсолютная тишина... Все замедляется.

Она говорила вещи, гасившие желание секса. Было похоже, что она никогда не хотела трахаться. Я любил ее и отказывал себе в желании эксплуатировать это безумно красивое тело. А перед тем как меня бросить, она рассказала, что все эти годы мечтала, чтобы ее постоянно лапали, терли и ебали. Чтобы она кончала под ударами плетки, утюжа промежность вибратором.

Как, Пётр!?

И она ведь делает это с другим.

Я уже не вижу лицо Звонаря, ощущаю только боль от рывков и трение нитей, воздуха нет, я не дышу, все сжато. Сколько я не дышу? Боль заполняет звоном вселенную.

В последний месяц у нас появилась страсть, она стала мокрой и маслянистой, я позволял себе любить ее как мне хочется, она кончала у меня в руках, а я целовал ее потную кожу.

Пётр стоит в двух шагах от меня. Верхняя пуговица рубахи застегнута. – Дыши, ты можешь дышать.

Я начинаю двигать грудью, но вдохнуть воздух не получается. – Я больше никогда не позволю ей, не расскажу, как провел свой день, да? Пётр, да? Конец разговорам, планам по обустройству нашей конуры, конец нашего мира, конец выбору школы для нашей дочки...

– Я не хочу дальше писать эту книгу! Пётр и Павел, сделайте так, чтобы я никогда больше не написал ни строки!

Тонкая полоска усов над губой вытягивается, он надевает перчатки и вешает шинель на сгиб локтя.

...Хотя бы немножечко успокоиться, хотя бы немножко... мне надо что-то придумать. Что угодно. Я прижимаю ладони к намокшим векам —

жена Луки

сидит на заднем сиденье машины и безостановочно тараторит. Я давно заметил, что чем толще человек, тем больше он опасается утраты стабильности – автокатастрофы, падения лифта. Всеми своими ляжками, щеками и потными предплечьями она боится, что я засну, ослаблю руль, авто уйдет влево, послышится громкий сигнал встречного грузовика. А еще через миг нос легковушки встретится с кабиной фуры или уйдет под раму лесовоза, и наша машина уменьшится в размерах до одной трети письменного стола.

Нас тут четверо, но интересно не это, – каждый начинает отсчет с себя и ведет его центробежно по убыванию значимости.

Для меня первый, естественно, я, поскольку я к себе привык, с собой провожу больше всего времени и еще у меня иллюзия, что я для себя как бы безопасен. Дана – вторая, поскольку я ее люблю и, стало быть, хочу, чтоб она во всем мне подчинялась. А еще у нее идеальные параметры тела. Не понимаю, как такая красота досталась мне. Сексуальное удовольствие – это то, для чего в первую очередь нужна мне моя женщина. Все остальное в большей или меньшей степени можно получить от друга, уборщицы или официанта, в крайнем случае, в партере театра. Лука – третий. Почему? Ну, выходит что методом исключения, ведь жена его – принципиально четвертая. Если бы тут не было Луки, ее бы тут не было никогда. Чтобы заставить меня ночевать с ней, придется осушить леса и горы, переселить чукчей в пустыню и добавить к названиям созвездий похабные префиксы. Для Даны, – первая, естественно, она, поскольку она к себе привыкла и все в таком роде, второй – я, ведь я плачу за нее, когда у меня есть деньги. Покупаю ей узкие джинсы и топики, которые потом мы вместе стягиваем. Несмотря на то, что я для нее – второй, порою она меня ненавидит. Если бы вы только знали, как меня это возбуждает. Уверен, что третий в ее рейтинге – Лука. Поскольку его жена – подсознательный враг для всего разумного человечества. Итого, для всех нас на последнем месте – девушка.

Это открытый вопрос – возможна ли межполовая дружба? Когда-то давно я однозначно себе на него ответил и успокоился. Проблема в том, что я совершенно не помню, как ответил, помню только, как успокоился. Но если взять меня сегодняшнего, то я склонен сомневаться в возможности дружбы между людьми вообще. А если дружбы нет, то нет смысла и в общении, если оно не подкреплено общим делом.

Чем реже ты оказываешься у большой воды, тем это событие волшебнее.

Дана цитирует: «Уже заря одолевала в споре нестойкий мрак, и, устремляя взгляд, я различал трепещущее море»... Люблю начитанных девок.

Мы припарковались у отбойника на небольшой площадке, откуда открывается невероятный вид на бухту. Вдалеке покачиваются, стоя на рейде, огромные корабли. Увидеть, как они качаются, с такого расстояния нельзя. И, тем не менее, я знаю – они раскачиваются!

Когда сутки напролет нюхаешь в машине пот, исходящий от четырех человеческих тел, мучимых солнцем, а потом, вдыхаешь запах утреннего моря, кажется, что узнал ответ на все вопросы.

Самое дешевое жилье, которое нам подалось, стоило двести рублей в сутки. Теперь таких цен уже нет, и я ощущаю себя чахлым старцем, рассказывающим внукам про мороженое за десять копеек.

В этих строениях нет состояния новостройки, даже если они построены сегодня утром.

Я смотрю на кровать и представляю количество людей, которое на ней зачато. – Половина населения Евфрата и Тигра, часть Средиземноморья, вся северная Европа и Дунай с его могучими ручьями и оттоками. Партнеры юга и партнеры севера, как можем мы поступать друг с другом так нечестно?..

Я лежу на зеленом, каким мог бы изобразить его живописец, песке бухты ногами вперед и, прикрыв глаза, воображаю перевернувшееся море, – волну, которая всех нас погасит. Однако

неверным будет утверждение, что волна погасит именно нас, – она погасит тех, которыми мы будем когда-то тогда, нескоро, в момент падения волны, мы же избежим этой участи, поскольку бесконечно меняемся в худшую сторону. К тому же если трактовать падение волны, как нечто плохое, то оно никогда не случается с человеком, который этого плохого ждет или хотя бы допускает сам его факт. Наверное, слово

«счастье»

придумано где-то в этих краях.

Ничто не доставляет столько боли, как воспоминания о нем.

В наши последние с Марией годы не происходило ничего резкого, тихий быт без драк и столкновений. Я знал, что когда-нибудь это простое спокойствие мы будем вспоминать с моей девочкой как лучшее время в жизни. Будем говорить – вот тогда у нас было счастье, а мы не ценили.

Все оказалось иначе. И когда она рассказывала, что влюбилась в мужика, мне еще не было плохо настолько. Хотя в тот момент, я видел, как падают стены, которые мы так долго и трудно строили.

Иногда Пётр приходит помочь мне собрать кое-что из ее вещей. Я передаю их через общих знакомых.

Первые пару месяцев Звонарь не отходил от меня ни на шаг. Он запускал свои нити в самый центр моего мозга и играл ими. Чтобы отвлечься от боли в висках я царапал запястья, большую часть дня проводил распластанным, мучился от бессонницы. Пётр сидел у моей постели. Временами мне казалось, что я начинаю сходить с ума. И в какой-то момент я перестал просить ее вернуться.

Пётр и Павел, я чувствую себя таким несчастным... Единственное, что мне было надо это всего один шанс. Я инвестировал в эту ебаную блядь десять лет своей жизни, а она не дала мне единственного шанса исправить то, что ей не нравилось и любить ее так, как ей хочется. Самое обидное – понимать, что мы всегда хотели одного и того же, а когда мы, наконец, это выяснили, она просто ушла.

Пётр, ответь, каким непроходимым долбоебом надо быть, чтобы увести чужую женщину с чужим ребенком?! Хотя не отвечай, Пётр, не отвечай. Я знаю, что ты со мной всегда согласен. Прочитай мне лучше стихотворение. Прочитай что-нибудь из Марка.

Ни в кого я больше не собираюсь вкладывать и четвертой доли того, что вложил в нее. Понимание боли вложить нельзя! И Пётр утвердительно кивает, – все, что не относится к пониманию боли, является бутафорией.

Я никогда не уеду из этого ненавистного мне города. Просто назло не уеду. Тут деревья мучаются и кусты, потому, что ветер умудряется ломать даже их. Тюремный двор завален ветхостью и строительным сором. Здесь все топит все, и ландшафт, в конечном итоге, оказывается со мной солидарен. Если мрак погасить, тут не останется даже мрака.

Сегодня утром Валентина пыталась проникнуть ко мне в клетку. Я чувствовал, что она придет и заранее подсунул под прутья решетки обломок кирпича. Еще немного каменной крошки я напихал в механизм замка. Сам же укрылся с головой одеялами. Она гремела под самым моим ухом и орала, чтобы я ее впустил. Что она единственная, кому я тут нужен. Что она мне как мать и даже лучше матери, потому, что матери бывают разные, а про нее никто за всю жизнь не сказал ни одного плохого слова. Она орала и гремела. Мне казалось, я этого не вынесу, хотелось встать и размозжить свою голову о каменную перегородку. Я заткнул уши и пытался дышать. Я хотел дышать и думать, думать... Под одеялом было абсолютно темно, но я все равно закрыл глаза...

– Уйди! – зверски вопит Городничев, – уйди!
И в следующий миг

я выбрасываю свое тело

из схватки между Лукой и автобусным гопником. Улица абсолютно пуста. Никого. Удары гопника шмякают в лицо Луки, заставляя его сплевывать и шмыгать носом. На четырехпалой руке Городничева – печатка с инициалами. На лице гопника их уже несколько. А мне порядком досталось и с одной и с другой стороны. Но кто-то же должен рязнять двух идиотов, которым делить нечего!?! Только от битья друг друга по морде, они получают кайф, звериное наслаждение. Наверное, его они и делают. Но с кем разделить мне то, что чувствую я?

Когда я пришел к Городничеву на следующее утро, ожидал увидеть нечто побитое и не опохмеленное, но он был неестественно бодр и помогал соседскому мальчику решить задачу в школьном учебнике. Там фигурировали грузовики, стога сена и расстояния. Ребенок установил локти на потертый стол и засунул пальцы в белые волосы.

– А «сено» – что? – спрашивал он.

– В каком смысле? – недоумевал Лука, – сено – это трава, покосенная трава!

– А что такое «покосенная»?

Городничев наклонился и с сомнением посмотрел ему в глаза.

– Пацан, ты надо мной стебешься?

По виду мальчика было ясно, что стебаться он и не думает, – сидит весь красный и шмыгает носом.

– Ты в поле когда-нибудь ходил? Корову видел?

– Не видел, могу только представить. Наверное...

Лука обернулся на меня и молча покачал головой.

– Поле – это такая широкая поляна, – сказал он спокойно, – а косить траву... – Учитель взял цветочный горшок и нажатием пальца истребил какое-то растение. – Вот! А стог, это когда такого целая куча! Можно косить косой, можно комбайном, хоть ты, конечно, не видел ни того ни другого.

– У меня нет комбайна, у меня только грузовик, – всхлипывал мальчик.

– Вот! – заорал Лука. Грузовик нужен, чтобы это все возить! Понятно? Или не понял ни хрена опять?

– Не понимаю, не понимаю! – заорал ученик, – почему их много? Откуда берется много стогов? Поле ведь – одно!!! Зачем много?

– Да перестань, – вмешался я в процесс, – не мучай школьника! Помнишь, мы хотели делать что?

Разгоряченный парень выскочил из-за стола и исчез под звук мелких, удаляющихся шагов. Городничев молча посмотрел сквозь меня в невидимую даль, туда, где стоял холодильник.

Хорошо после драки что-нибудь в тишине попать. Сегодня мы будем исправлять кассетный диктофон. Это ведь так глупо, когда он записывает и воспроизводит голоса при нажатии кнопки. Любая вещь должна быть живой, и мы будем делать так, чтоб диктофон включался на запись и на воспроизведение, когда он сам сочтет нужным.

В копилке изобретений Городничева уже есть электрическая лампа на солнечной батарее, которая почти не светит; телефон, переворачивающий слова; и главное, чем он нескрывая гордится, – часы, идущие назад. Он передал их на хранение мне, и я ношу их. Другого времени

в моем мире нет. Через пару лет часы аналогичной конструкции можно будет купить в любом часовом магазине, но пока я единственный обладатель такой вещи на земном шаре.

Я очнулся от того, что в камере стало

абсолютно тихо

и вылез из-под одеяла. Почему-то в последнее время Валентина все чаще приходит следом за Звонарем. Может, она хочет проверить, умер я или нет? Переживает, что у меня не хватит воли дождаться Павла?

Сегодня я опять плохо спал – сначала беседовал с Марком, потом как будто заснул, и Павел оказался в комнате. Я видел все это как бы со стороны. С ним явился еще один человек в капюшоне. Павел взял с пола железную кружку и стал бить ей по спинке моей кровати, отчего я проснулся, но не в эту явь, а в предыдущий сон, в котором был Марк.

С тех пор, как Марии нет рядом, я сплю так.

Я сидел перед Марком, но разговаривал с ним не я, а кто-то третий, только моим голосом.

Третий спросил, – почему так сложно создать то, что еще никем никогда не создано? – почему, когда я что-то придумываю, это оказывается уже придумано до меня?

– А в каком году ты родился? – поинтересовался Марк. Он выглядел очень живым, сочувствующим, заинтересованным, и все таким же толстым. Его карие глаза испускали дружелюбие.

– В 84. – Ответил мой голос.

– Ну, все, – сказал Марк, – значит твое творчество ограничено 84 годом. Новое могут создать те, кто родились в 85.

Мне показалось, он надо мной издевается. Марк засмеялся и похлопал себя по животу, – представь огромное сито, которое процеживает человечество. На одной стороне сита люди, которые уже сделали открытия, а на другой те же люди, но они еще только пытаются что-то открыть. – Он замолчал. Мой голос тоже ничего не спрашивал. – Те, которые готовы открыть – вываливаются через отверстия сита в другой слой, туда, где материя не такая плотная, и где их открытия адекватны. Правда, вывалившись, они обнаруживают под собой новое сито, но это пока не важно.

– Погоди Марк, но как же гении? Как сито пропускает сюда их?

Марк усмехнулся и погладил пухлыми пальчиками тыльные стороны ладоней.

– Это недосмотр надзирателей! – Он засмеялся, – пока человек не умрет, он не может оказаться на другой стороне сита. Поэтому задача надзирателей следить, чтобы эти твои гении, ничего тут не наоткрывали. Не идеализируй гениев. Им точно так же, как и тебе, недоступны истины, к которым они стремятся. Они могут только фантазировать и подглядывать за этими истинами в половые отверстия сита.

– В половые отверстия? – Повторил мой голос.

– Да, – сказал Марк. – Но не подглядят. В половое отверстие ничего не видно. Поскольку они думают, что познание прямолинейно, а оно ступенчато, как твои сны. В половом отверстии – поворот.

– Ты хочешь сказать, что роль сита выполняют женщины?

Марк широко улыбнулся и пожал плечами.

– Им предоставляется выбор. Но полноценно они могут делать только что-то одно, либо служить ситом, либо познавать.

Когда у меня получилось окончательно проснуться, я сел за письменный стол и открыл на ноутбуке документ с текстом.

...Сколько мне было лет, когда Марка не стало? Я прекрасно помню его похороны, но понятия не имею, как у меня оказались его черновики, и как помимо четырех тетрадей, ко мне попала его огромная рыжая кофта. Она мне практически до колен. Люблю завернуться в нее и работать.

Что было потом

когда мы спаяли с Лукой все приборы и выловили всю рыбу в пруду, дно которого – старое кладбище?

А потом как раз и было мое счастье, – время, про которое можно сказать только то, что оно никогда больше не повторится. Жаль, что приходится вспоминать это одному. Память не безгранична, в основном я помню только состояние покоя. Мой покой это совершенно не тот покой, который представляют себе люди. Он очень даже активен и похож на самолетное расписание. Если покоя нет, пилоты выходят в рейсы через раз и сильно пьяными.

Описывая прошлое, часто хочется добавить, – вот же я был дурак! Интересно настанет ли такое время, когда я похвалю себя за прозорливость...

Так вот, в один из субботних вечеров мой покой рассек неожиданный телефонный звонок.

– Не спишь? – спросил Городничев, – сейчас приеду!

Самое странное, что мы уже практически не общались, перестали даже поздравлять друг друга с днем рождения. Может поэтому его изменение, слом – показался таким резким и значительным...

– Первое, что я сделаю, когда мы захватим власть, – сказал он внезапно и страстно, – это проведем огромный всеобщий референдум! Пусть люди для начала чуть-чуть порадуются, что их мнение для нас важно! Нельзя же делать человека счастливым, не спрашивая у него согласия! Видели мы, к чему это приводит. – Второе...

И он судорожно начал рассказывать мне законопроект будущего президента Луки Городничего.

– После люстрации и возврата в казну всех распизженных ценностей, мы...

(Если честно, я ничего не понимаю в законопроектах).

– Мир развивается гораздо быстрее, чем адаптируется под него система образования, – Лука ходил по клетке из угла в угол, размахивая своей четырехпалой рукой. – И чем быстрее крутится глобус, тем меньше он становится. В будущем Земля станет маленькой настолько, что для большей части сегодняшних людей просто не будет на ней места.

Учителя в школах, строители, врачи, – все они используют жизнь не по назначению. Они хотят поскорее получать пенсию и ничего не делать. Долой пенсии! – Я отменяю нахрен все пенсии и зарплаты. Каждый будет работать бесплатно и только там, где он хочет. Со времен ухода от первобытного общества, работа не является показателем полезности человека! Мы ликвидируем разделение по принципу мнимой полезности и разделим общество по принципу желания.

Вторым пунктом программы будет закрытие всех кладбищ. Я отменяю смерть! Смерти больше не будет! А если кто-то против, пусть идет в круглосуточный крематорий и самосжигается за свой счет!

Революционер с силой толкнул офисное кресло, оно отъехало и ударилось в стену.

– А как же наше место? – спросил я, – наш пруд?..

– Старые кладбища – это летопись. Память о том, как бездарно мы проводили время. Их мы оставим, чтобы не повторять тех же ошибок, – успокоил Лука. – Третье! – Городничев улыбнулся, – мы отменим все формы общественных разногласий. Ведь это только из-за них

происходит крушение всех прогрессивных обществ. Для несогласных мы построим прекрасные искусственные острова в Баренцевом и Карском морях.

Далее я введу пожизненные уголовные сроки для тех, кто разрушает чужую семью или свою! Впервые в истории мира я объявляю человеческую жизнь – ценной, и разрушение ее извне будет караться пожизненной каторгой. Отбывание мы реализуем на лесоповале, осушении болот или строительстве подземных укреплений. Это оставим решать судьям.

Если быть до конца честным, последний пункт программы вписан позднее. Его вписал я. На тот случай, если Лука никогда не станет президентом, и я не смогу донести до мира свою единственную идею. А ее обязательно надо воплотить. И еще надо ввести в учебных заведениях предмет семейной психотерапии, пусть люди учатся общаться и строить нормальные человеческие отношения вместо того, чтоб годами писать непонятные цифробуквенные сочетания и смешивать поебень в пробирках.

– Религию, я запрещать не буду, – сказал Лука, – это ширма, которая прикрывает несправедливость. Если людям сказать, что мир на самом деле несправедлив и никакой причинно-следственной связи в нем нет, некоторые могут сильно расстроиться. А расстраиваться в моей стране – первый тяжкий грех. Ты ведь понимаешь, Илья, – он увидел, что я задумался и двинул ребром ладони мне в плечо, – даже если согласиться с местными звездочетами, признав, существование справедливости, то она существует только в их голове. Они мир готовы сломать в местах, где он не подходит под их теории. А ломать мир я никому не позволяю – это второй тяжкий грех. И если кто-то из них случайно со мной не согласится... Ну что ты так смотришь? – Ладно, черт с ними! Они все равно ничего не могут, пусть живут, как хотят! Иначе не только человека придется менять, но и планету. Потому, как сам понимаешь, то ураган снесет половину Африки, то цунами замкнет провода или там сифилис какой-нибудь – лишняя трата времени.

В последние месяцы

Валентина

мной очень недовольна. Сегодня она уже дважды приходила мыть полы, протирать решетки и причитать, что у меня нет совести. Вместо того, чтобы убираться самому, я жду пока пожилая женщина придет и сделает это за меня. О, Пётр и Павел, у меня совершенно нет сил ее отогнать. Все предыдущие попытки от нее избавиться сделали только хуже.

– Ну, вот смотри, другие заключенные убираются, постоянно моют, следят, чтобы постельное белье было свежим, почему же ты такая свинья? – Она смотрит в мое лицо, но видит ли? – Я никогда плохого людям не советовала. Доктора тебе надо позвать...

Я решил, что если она еще хоть раз ко мне заявится, я сбегу и никогда больше не вернусь.

Валентина действительно пришла вечером. Я снова заблокировал решетку, и снова она гремела и орала, чтобы я открыл. Я залез под одеяло и заткнул уши. Почему она так громко стучит в дверь, почему? Она же знает, что я ее вижу, зачем она так грохочет? Я ее боюсь, я, правда, боюсь. Пётр и Павел... меня осталось так мало...

Недавно я расколол зеркало. Оно тяжело выехало из моих рук и всем весом разорвалось об бетонный пол на сотню мелких «я». Они переливались под ногами и растерянно на меня глядели. Что ты наделал? Я смотрел вниз и думал, что если кто-то один за много-за много лет случайно научится любить, он неминуемо полезет на чердак приколачивать дверцу и провалится сквозь стропила. Или будет стоять напротив закрытого магазина, и смотреть, как машины летят по широкому городскому проспекту. И так он одинок в своей любви – машины летят, а он стоит и смотрит, как маленькая собачонка, некуда ему идти и некому сказать слово.

Как же много в мире заблуждений... Это, наверно, вообще самая живучая форма организмов. Они постоянно делятся и умножаются. Они бессмертны. Графики заблуждений похожи на биржевые графики. Миллионы прогнозистов по всему миру пытаются угадать, насколько сильно мы будем заблуждаться завтра.

Когда появился на свет Иисус, называемый Христом, прогнозисты даже не обратили на него внимания, они были убеждены, что не пройдет и сотни лет, как его котировки опустятся до нуля. Новые ценности укатают трендовую кривую, а может и само мессианство.

Так нет же – проходит тысяча лет, уже никто из биржевых спекулянтов не помнит, где стоял Константинополь, а Христа до сих пор покупают. Проходит еще тысяча, возникает интернет, рождаются совсем другие люди с новыми мыслями и интересами, они открывают браузер, а там – он, молодой и суровый.

Но проблема даже не в этом. Нам кажется, что заблуждения, хотя бы поверхностные, можно убить в нас без боли. Ничего подобного! Если в человеке и можно что-то убить без боли, так это любовь к ближнему.

Есть такое слово странное – «бытие» – выронишь однажды из рук обыкновенное зеркало и не слышно звона осколков, ничто острое не падает на ноги, и всю жизнь оно летит, а ты бесконечно ждешь и прислушиваешься...

Особенно тяжело ждать в вытянутой коффе Марка и глядеть на часы Луки, идущие назад.

Так хочется кого-то позвать, но тут только я один, нет даже Петра и абсолютно тихо. А за спиной, как и раньше, – железные нары, стеллаж, табуретка. Вообще-то к стабильности принято стремиться всю жизнь, а я и сам не понял, как достиг.

В последнее время мне требуется помощь. Но люди за окнами всегда слишком заняты, – они ставят капканы, фотографируют голых шлюх, зажигают и тушат пожары, защищают родину, поднимая друг друга на вилы. Я не хочу в этом участвовать. И остаюсь ненужным, невидимым, заключенным.

Я иду по длинному тюремному коридору мимо стальных решеток, выхожу на улицу и смотрю на женщин. Внешняя привлекательность есть у многих, но такой как у Марии нет ни у кого. А даже если у кого-то и есть – они давно уже все в несчастном браке. Я так решил – я не разрушаю муравейники и ласточкины гнезда. Не потому, что верю в карму, в которую я не верю. И не потому, что хочу быть хорошим. Я не хочу быть никем. Просто для меня дико ломать жизнь человека, даже если этот человек – животное. И не потому, что мне жалко их. Мне их не жалко! Я просто так решил и все.

У биржевых спекулянтов, которые отслеживают графики заблуждений, есть фигура, – называется

неудавшийся размах

С некоторых пор это могло бы стать моим именем и фамилией.

Пётр сегодня вышел погулять вместе со мной. На улице вновь зима, и на крестах лежат тяжелые снеговые шапки. Ограды полностью занесены. Только в одном месте, где растут несколько деревьев, ограды не занесло.

Я забыл взять с собой вино. Горячее вино, которое я так люблю пить.

Недавно надзиратели подселили ко мне кота. Я никак не могу понять, зачем они это сделали. Придумать для него имя у меня пока не выходит. Иногда кот гуляет со мной, а когда Валентина начинает ломиться в дверь, он соскакивает со своего места и прячется под нары. Бывает, что он доходит со мной до самого пруда, и потом мы вместе возвращаемся обратно.

Но сегодня он не пошел, думаю, его спугнул Пётр. Он следует сзади в своей шинели. На его маленьком лице покраснел кончик острого носа и на щеках тоже появились красные точки.

– Неужели это правильно, бросать человека, Пётр? Неужели можно раскурочить чужую жизнь и ничего тебе за это не будет?

Звонарь шагает через идеально ровные промежутки времени, как будто за спиной работает метроном.

– Ебаная сука, – хочется мне заорать.

Я орал это уже тысячу раз. Но все равно – ебаная блядь сука!!!

Пётр шмыгает своим красным носом, как будто плачет. Нет, это, видимо, мороз, и одиночество стало снегом. Снег налип на памятники. Пётр говорит, что сегодня они с дочкой лепили снеговика. Она старается делать все, чтобы дочка со мной не общалась.

– Что я тебе сделал, тварь?!

Пётр догоняет, и я ощущаю спазм в левом плече. Господи, Пётр и Павел, как много этого ебаного снега, как он меня уже достал. Мне хочется застрелиться от этого снега.

Знаешь, когда только эта пизда собиралась от меня уходить, она сидела на нашей кровати и рассказывала, что встречается с другим мужиком, он ее целует и зовет переехать. Ей это было, Пётр, смешно, представляешь?

– Я не вызывал блядь, – заорал я на нее – убывай с моей кровати. Она не сразу поняла, что я серьезно, я отпихнул ее ногой, – я не вызывал блядь!!!

Пётр, я больше не могу терпеть этот снег. Ты думаешь, он когда-нибудь растает?

Почему, все то никому ненужное, что я произвожу, дается мне такой ценой?

Мне хочется душить ее. Просто душить.

Ты знаешь, Пётр, на самом деле я ведь плохой отец.

Может, даже вся та ерунда, про которую я писал в Лекарстве для Маши, случилась из-за этого, потому, что я не годеи, не предназначен, мне это тяжело... Помнишь, я дарил тебе такую желтую книжку?

На узкой полоске его усов светятся несколько снежинок.

Интересно, почему снег на этом кладбище никто не чистит... Как ты думаешь, Пётр, мы могли бы спуститься к пруду? Зимой тут совсем не ловят рыбу.

Очень часто мне хочется сбить его на машине или застрелить из оружия. Я практически каждый день об этом думаю. Мне хочется иметь пистолет. Я представляю его вес в руке. Мне нравится система револьвер и никакая другая. Я обязательно куплю себе такой.

Идея, что можно взять оружие и приставить его к виску, облегчает существование. В мечтах я застрелился уже пятьсот миллионов раз – я играю, заряжая сначала один патрон, когда ничего не выходит и с третьего раза, я начинаю злиться, закуриваю и добавляю еще патроны. Меня начинает тошнить, тупая боль возникает в грудной клетке. Но тише Пётр, тише, ты ведь не знаешь, что было до этого. – А я его убил!

Мы снова долго не виделись с Городничевым. Сначала у него были

дела тут

потом он улетел в Поднебесную, встречал с новыми знакомыми День китайского образования, после чего вернулся и снова не приезжал. Я тоже не навязывался, нас с Петром занимали проблемы интереснее революций. Слухи о том, что Лука набирает популярность, оставались просто слухами. Я не верил в них до той самой минуты, пока он не возник передо мной.

Городничев скрутил в трубочку агитационную газету со своей фотографией на главном развороте и машинально похлопывал ей по ляжке.

– Ты в команде или нет? – сухо спросил будущий вождь.

Я ждал этого вопроса давно. Как только услышал от его брата, что команда существует. Ждал, но готов к нему не был.

– А что надо делать и сколько за это дадут? – спросил я и тут же пожалел о своем вопросе. Поскольку в следующую секунду на меня посмотрели его глаза.

Только два раза в жизни я видел подобный взгляд. Первый раз – на сходке чьих-то пенсионеров, где оказалась бабуля, начинавшая карьеру санитаркой во время второй мировой. Я тогда экспериментировал со своим образом жизни и имел неосторожность сказать об этом вслух. И она, бабуля, а точнее сказать человек, – на меня посмотрела. Мне кажется, я побелел от ее взгляда.

Так через секунду я понял, что передо мной стоит уже не тот Лука, которого я знаю столько времени, а черт знает кто стоит. И он приехал ко мне на автомобиле с личным водителем, чтобы смотреть вот такими глазами...

Я проямлил что-то в том смысле, что мы – люди, пока еще далеки от его идеалов.

– Это не вы далеки от моих идеалов, – сказал Лука, – это мои идеалы далеки от вас.

Нет, ну просто зазнавшийся мудака, – подумал я.

– А делать-то что ты собрался? План какой-нибудь есть?

– Нам нужны люди для чистой и для грязной работы. И вообще для любой работы. Волонтеры, юристы, дизайнеры, программисты, врачи, стрелки... Этому режиму осталось от трех месяцев до полугода. Запад продавливает цены энергоносителей, резервные фонды истощены, в офшор выводятся даже проценты с продажи мороженого, силовики скоро откажутся его лизать.

– И?... – Я не знал, как сформулировать вопрос, но стало интересно, что будет дальше.

– Сначала будет информационная война. Когда они ее проиграют, а мы выиграем, начнутся протесты и забастовки. Механизм давно уже отработан – собака выскакивает из своей конуры и начинает слепо лаять по сторонам, тогда из темного леса выходит Дубровский и с ужасным воплем УАА-Й-А делает прошлому харакири.

Той же ночью Городничев поставил передо мной первую задачу – построить сеть штабов в центральном регионе. Мы ударили по рукам. Правда, я не понял, это работа за деньги или нет. Не то, чтобы это важно, просто я не понял. Но как говорит Марк, – я жил в слишком холодной стране, чтобы думать только про деньги.

У Луки было несколько основных помощников. Некоторых я знал в лицо, про некоторых только слышал от блаженного брата. Брат жил один, и собрания партии проходили, в основном, у него – летом на ковриках в саду, между кустов и яблонь, все остальное время – дома. С момента начала компании к Городничеву примкнуло много интересных людей: местные плохие поэты, бездельники, интеллигенция, практически все они сразу же разбежалась. Зато через них пришли другие – бойцы с подворотен, сумасшедшие, фанаты. Обритые наголо, страшные и решительные, в кожаных куртках, как будто сейчас девятьсот восемнадцатый год. Некоторые из них, – вернее, один толстый китаец, крышевавший в девяностые мелкие фирмы, – даже говорить внятно не мог, он только широко расставлял пальцы и тяжело дышал.

– Не пугайся этих, – наставлял Лука, – но и лишнего не болтай, на всякий случай...

За первое мое арендованное помещение на улице Тараса Шевченко мне стыдно до сих пор. Попробую объяснить, – родители воспитывали меня в режиме жесткой экономии, временами чуть посвободнее, но все равно скромно. И теперь, даже когда деньги есть, я автоматически стараюсь их не тратить.

Проблема не в том, что я снял офис в дореволюционном бараке, где половина окон была выбита, а второй этаж закрыт из-за частичного обрушения потолка. – Для того, чтобы попасть в наши помещения, приходилось минуту наощупь пробираться по темному коридору. Крепить

там лампы означало подвергать свою жизнь опасности. К тому же освещение могло напугать посетителей. Единственным человеком, не боявшимся находиться в здании, был охранник. Но смелость давалась ему в обмен на вменяемость... Он никогда не трезвел, а если вдруг такая угроза появлялась, он оставлял пост и спешил на соседнюю улицу за водкой. Так и получилось, что на вторую неделю пользования офисом нас ограбил его «двоюродный братан», которому доверили немного поохранять вместо себя.

Но все это можно было бы терпеть. И даже терпеть долго. Если бы не одно скорбное обстоятельство, – ровно через полтора месяца аренды, когда мы, наконец, закончили ремонт и принесли нужное количество стульев, десятый дом по улице Тараса Шевченко рухнул, погребя под собой матрас отлучившегося охранника, ноутбук Луки и все наши тридцать два офисных стула.

Городничев успел выступить там всего однажды, – на следующий день после ограбления.

Поскольку главный и самый большой наш флаг, декорирующий стену, был вырван братаном вместе с фрагментами штукатурки, выступление проходило на фоне плетеной ширмы, найденной в одном из опустевших кабинетов.

– Нельзя сказать, где именно стоит прогрессивное развитие человечества, – начал Лука, когда все собрались, – но мы должны признаться, что оно стоит там уже достаточно давно. Не надо прятаться за спины, оно стоит по нашей общей вине. В этом виноват каждый! Но если вы прямо сейчас, не дослушав, начнете себя карать, – это будет пустой тратой времени. И без того в каждом человеке найдется много всякого, за что его можно не любить. Ребята с задних рядов, кончай трепаться! Подходите, тут еще несколько мест! Городничев с нежностью оглядел ряд прекрасных стульев, купленных мной за сущие копейки у работника счетной палаты.

– Поднимите руку те, кто пять раз в неделю ходит на работу в ботинках, которым больше трех лет?

Народ слегка оживился.

– А теперь поднимите руку, кто привык и отчаялся, кто думает, что ничего нельзя изменить! Так вот знайте, вы правы, – ничего изменить нельзя! Люди в кремле продолжают уродовать и без того уродливую конституцию, гробить образование и открывать для нас новые кладбища. Они хотят, чтоб мы просыпались и засыпали на их плантациях, а когда подохнем, ну что же, нас сменят дети. Наши несчастные дети, выросшие в клетках.

Моя программа логична и понятна любому школьнику. Прежде всего, каждый уважающий себя человек должен, как следует разозлиться. Просто посмотрите вокруг! На эту вот раздолбанную стену, на отсутствующий стяг, на грязь и ложь, на ржавые решетки. Вы наблюдаете, не что иное, как власть. Она кричит о том, что ей уже не вмоготу, она больна и слаба. Она мертва! Но ее труп до сих пор приходит к вам смердеть и требовать денег.

Сегодня мы отвоюем у них пулемет, через неделю они сдадут нам пушки, а к концу месяца мы зайдем в кремль, – Лука машинально сжал в четырехпалой руке что-то, что он вытащил из кармана, похоже, это были какие-то таблетки, и размахивал ими, пытаясь завести публику. – И мы в него зайдем! Это даже не цель, это этап на нашем пути, нулевой километр, с которого мы начнем лечить нашу империю.

Возможно, Городничев был неплохим теоретиком, но оратором он был никудышным. Половина публики не досидела до конца выступления, остались только самые прямые и бритоголовые, способные воспринимать угрозы и острые выражения.

– У нас есть примеры построения нового общества на принципах общины, братства, отделения себя от цивилизации, альтруизма, заботы о других. Все эти примеры – неудачные. Достаточно упомянуть общество Шейкеров в США, Фаланстер в Молдавии, Коммуну Пуллмана и многих других. Может кто-то из вас мне сказать, где теперь Коммуна Пуллмана?

Марк,

что мне делать?

Скоро будет год, как я разучился испытывать удовольствие. Я захожу в кафе и ем там вкусную еду, заказываю красное вино. Иногда прошу, чтобы мне его разогрели. Но это кафе Марк, не ресторан. Они отправляют меня к микроволновке, представляешь? Где я, как полный мудозвон переливаю вино в простой кухонный стакан, чтобы можно было его запихать в печь. А за мной создает очередь дева с тарелкой остывшей лапши. Я устало смотрю на ее тело. Оно ледяное и сделано из ножей. Стальная грудь – о сосок можно порезаться. Я перевожу глаза на свой поднос. Не помню, когда у меня был секс в последний раз. Помню только, что это было во время Машиных месячных. Я знал, что она уходит, точнее уже ушла, умерла... и трахался с мертвецом. В ней сломалось что-то, отвечающее за жизнь. Ее больше не было. Только остатки кровоточащего тела, несколько вдохов и выдохов.

Робкая девочка, которая подходила сзади и обнимала меня, кончилась. Ты не представляешь, какая на месте ее образовалась злобная сука. Валентина говорит, что она созрела до своей истинной природы. Половину жизни она старалась быть хорошей и справедливой, от чего мучилась и болела, а потом она стала подлой и теперь ей хорошо и спокойно. Это у них счастьем зовется, Марк.

Я устал. Не знаю, что нужно сказать этой оголодавшей с тарелкой лапши, чтоб она хотя бы на меня посмотрела. И что делать потом, когда посмотрит...

Вежливость похожа на смерть, ты стараешься не беспокоить людей, быть для них неназойливым, невидимым. Тебя для них не существует. Нет. Смерть. Вежливость.

Кто-то украл из этого мира любовь, все хотят только безопасности. Может, поэтому они всегда так заняты? Искренне не понимаю, что они делают каждый день с утра до позднего вечера, переезжая с места на место, отдавая друг другу какие-то деньги. Они не хотят погулять со мной, хотят только ездить и передавать эти ебанные деньги. Марк? Мне надо платить им, чтоб они со мной гуляли?

Когда-то давно женщины ценили в партнере три способности – защищать, служить и подчиняться. Если мужчина обладал качествами лидера, на него даже не смотрели, ставили на нем крест. Он же не даст собой рулить, на нем нельзя врезаться в другого! Поэтому эталон мужчины многие годы был – военный. Машина повышенной проходимости. А сейчас уже и военный не ценится Марк, сейчас ценится только дурак, паства, теленок.

Нагретое вино очень быстро остывает. Едва поймешь бестолковость этого мира, а оно уже опять еле-теплое. Не сидеть же мне у микроволновки целый обед! Конечно! Лучше я встану и уйду. Уйду через все эти кресты и надгробья, сквозь ограды за пруд и поле, уйду сквозь заснеженный хвойный лес, куда никто еще не уходил. Уйду в жизнь, где давным-давно светило теплое белое солнце.

По-моему, идеалист умер во мне. – Верить не получается, – ни в будущее, ни в людей, ни в состав, который пишется на банках со шпротами. Я даже не верю в то, что Лука сможет захватить власть и стать президентом. Хотя

прокуратура

отчаянно взялась за его биографию. С некоторого времени его периодически за что-нибудь забирают на тридцать суток. Как год встретишь, так и проведешь...

Истинное финансовое состояние Луки, как и любого авантюриста, выяснить было нелегко. Да этого никто и не пытался. А зачем, если можно посадить просто так? Мир доэволюционировал до сознания того, что пытать людей паяльниками хотя и очень весело, но такое количество включенных паяльников не выдержит ни одна проводка. Целесообразнее изматы-

вать вызовами к следователю, допросами, штрафами, задержаниями за то, что он дорогу не там перешел, десять лет назад не заплатил налоги, а если платил, то покажи квитанцию.

По мнению следователей-христиан, только один из представителей человечества не был ни в чем виновен. И даже ему вколотили гвозди в руки и голову. Любой же обыденный человек – грешен по определению и соответственно заслуживает наказания в виде лишения свободы на тридцать суток.

Как я узнал позднее, Лука начал свой путь в политике со странного поступка. Он выставил из дома жену с грудными двойняшками. – Жить с человеком, которого ты не любишь, – сказал он, – легче, чем не жить с человеком которого ты любишь. Но отныне я не буду искать легких путей! На этом кончился Лука семьянин и начался Лука партизан.

Пока Городничев отрывал и стряхивал с себя остатки жены, она умудрилась немного сойти с ума, если только с ума можно сойти немного. Это заключалось в том, что она начала шляться по астрологам и гадалкам, а вечерами отдавала блаженному дурачку (брату Луки) детей и шла в кабак. Как и любой порядочной девушке, ей хотелось, чтобы ее тело кто-то грубо использовал в номере гостиницы, швыряя по полу, как дешевую блядь, доводя до десятого оргазма огненным членом. Впрочем, иногда она вдруг резко останавливалась в своем безумстве, уверяя себя, что по-настоящему спасти ее может только дряхлый импотент или отчаявшийся старый пидор, который от безысходности и доброты возьмет к себе работницу с милыми двойнятами.

В первый год после разрыва отношений она пару раз даже чуть не вышла замуж, но в самый последний момент женихи куда-то девались. В итоге она кое-как сдала детей в сад и устроилась кассиром в супермаркет. Промучившись так пару лет, она почти запила, а после уехала к сестре в Удмуртию, где по трагической случайности утонула в Каме.

Городничев не торопился финансово компенсировать детям свое отсутствие. Напротив, – он распродал имущество и укрылся в съемной комнате коммуналки. Если верить сплетням, он пытался приобрести на вырученные деньги партию нарезного оружия. Только зачем ему оружие, не совсем ясно, поскольку авоськи калашей и кармана патронов хватило бы максимум для захвата власти в сибирском уезде.

Однако судьба отыграла по-другому. В процессе поиска каналов поставки, он случайно набрел на никому не известный тогда актив – криптовалюты. Немного понаблюдав за рынком, он решил рискнуть. В итоге вложил в крипто-портфель все, что хотел вложить в оружие. Не знаю, верны ли эти сплетни, но мне они показались увлекательными, и я стал искать продолжение.

Рынок немного подрос, с ним подросло и состояние Городничева. Поняв, что при самом худом раскладе, на бирже сработают стоп-ордера, и он все равно ничего не потеряет, – Лука открыл кредитную историю. Если отмотать назад график по некоторым монетам, можно отследить на нем резкие импульсные свечи. – Это кредиты Луки, запрыгивают в рынок прямо перед глобальным взлетом. Дальнейшие события в очередной раз доказывают, что мир жесток и несправедлив с мягкими и круглосуточно мягок и добр с жестокими и несправедливыми. Если бы Иисусу позволено было состоять в серьезной политической партии, он не жаловался бы и не говорил о невозможности пророка в своем отечестве. В отечестве пророков, может, и нет, а в политике, по причине отсутствия связи с отечеством, – им самое место.

Не знаю, что тогда было в голове у Луки, но он отчаянно кредитовался. В итоге это привело к началу золотой лихорадки 21-го века. Поскольку уже через несколько месяцев котировки большинства валют из его портфеля взлетели на сотни и тысячи процентов. Огромное количество людей по всему миру принялось догонять шальной неправдоподобный рост. Люди продавали дома и машины, чтобы вложить все в криптовалюту в тот момент, когда Городничев уже готовился обрушить рынок нажатием кнопки ПРОДАТЬ.

В результате сброса активов, так называемые «киты», вслед за Городничевым тоже перевернулись из лонга и поддержали слив. К тому моменту Лука находился уже в шорте, и весь колоссальный капитал, который был заработан за месяцы взрывного роста, утроился за пару недель падения.

Но Городничев не остановился. Он улетел в Китай и построил там компанию, состоящую в основном из программистов. Они меняли код биткойна, создавая на его базе новые монеты. Маркетологи придумывали, как совместить технологию и тающую на глазах физическую реальность. Рекламщики выплевывали в цифровое пространство слоганы, которые никто не понимал, с расчетом на то, что средний инвестор непременно захочет, снисходительно объясняя своим товарищам бизнесменам, что они пока не доросли до таких сложных вещей.

Все это, конечно же, смешно и глупо, и большей части проектов суждено было закрыться практически сразу после открытия. Но одна из новорожденных монет незаметно вышла на крупные торговые площадки, где ее стали активно покупать, и тогда Городничев впервые в жизни увидел настоящие деньги. Он фактически стал эмитентом, мог создавать любое количество монет с помощью клавиатуры. Но перевыпуск грозил инфляцией, поэтому Лука разбогател, но не безгранично.

Не привлекая внимания, он продолжил скромно жить в съемной коммуналке, хотя через месяц не выдержал и скупил комнаты у соседей, чтоб не маячили перед носом и освободили ванную. Свою же комнату он покупать не стал, жить на съемной коммуналке было делом принципа.

Насчет оружия мне выяснить больше ничего не удалось.

Прокуроры ссорились, каждый хотел первым протянуть руки к шее Городничева. Шея не сопротивлялась, ей было приятно любое внимание. Даже деструктивное. В основном речь шла о двух нарушениях закона – неуплате налога от сделок с цифровыми активами и организации выступлений на улицах города. Городничев пытался убедить суд, что не занимается политикой, а создает перформанс. Заседания превращались в балаган, каждый раз это работало, привлекало все больше внимания и злило судей.

– Почему музыканты у метро выступать могут, а я не могу? – возмущался Городничев, – стихи на Арбате читать можно, а прозу нет?.. Это дискриминация, я требую немедленной апелляции!

Свидетели вели себя аналогично, их выдворяли из зала суда, заседания переносили. Толпы блогеров и юристов, из чувства азарта отстаивали права Городничева. Но со времен самого древнего Иерусалима ясно одно, – за вред, называемый – прельщение народа, любая скотина достойна самой страшной кары. И это оборачивалось для Луки бесконечными задержаниями на тридцать суток.

В каждом городе, на открытии штаба, мы старались организовать по два выступления нашего лидера. Больше не получалось, поскольку исход уличного митинга почти всегда был одинаков. Первые выступления проходили в помещениях штабов в узком кругу молодежи, которая еще только определялась в своих политических воззрениях.

– У людей всегда должен быть выбор, – говорил Городничев, – даже если это выбор худшего, главное, чтобы выбор был реальный. Если у вас нет выбора, вы – рабы!

Утро.

Промышленный город укутался в смог

Шум машин.

Чтобы быть «ближе к своему народу», Лука добирается до места на троллейбусе.

Увидев небольшую ожидающую его группу, к которой постепенно примыкают прохожие, он делает шаг, еще шаг... Несколько человек ограняют его тело, ставится микрофон, по бокам взмывают знамена. За спиной в отдалении тоже развеваются несколько флагов.

– Я избавлю вас от главной проблемы человечества! – яростно кричит Лука и замахивается четырехпалым кулаком. – Главная проблема это не сифилис и не рак! Главная проблема не курс доллара, не плохая экология и даже не гомосеки на Красной площади! Кто из вас сталкивался с действительно главной проблемой? Кто видел ее в лицо? В рядах людей нарастает волнение и интерес.

– Я спрашиваю, у кого из вас есть эта проблема? – орет Городничев. – Пока люди в кремле продолжают немощно пускать слюни, мы с вами находимся на самой настоящей войне! Вы слышите!? Главная проблема человечества – это дети!

Слушающие веселятся и становятся еще внимательнее.

– Кто-нибудь из присутствующих несет чинить обувь в пекарню? А кто здесь хоть раз ремонтировал зубы или делал операцию на глаза? Вы ведь делали это не в столовой? Как же так получается, что вы боитесь испортить старый башмак, а испортить целого человека, который растет у вас дома, вы не боитесь?

Народ слушает Луку с недоуменным восторгом. У него начинает получаться выступать. Пролетающие по проспекту автомобили рассекают воздух.

– Есть среди вас такие, кто хотел бы жить полноценной жизнью? Не бойтесь поднимать руки, мы пришли в мир творцами, и мы будем бороться за право творить будущее, а не наблюдать его из задних рядов! Интересная жизнь взрослого не интересна ребенку, а интересная жизнь ребенка скучна для взрослого! Если, конечно, этот взрослый находится в своем уме. Впервые в мировой истории, мы займемся разведением человека разумного! Родители больше не будут воспитывать своих чад! Мы построим города, в которых не будет ни одного взрослого! Найдем самых передовых людей мира, для создания будущих поколений. Посмотрите вокруг, мы заперты со всех сторон. Нас обступает вода. Она продолжит прибывать до тех пор, пока мы не будем стоять на носочках, булькая ртом...

В толпе что-то зашевелилось, раздалась выкрики. Четыре здоровенных бойца в хаки несутся к Луке, вырывают его из толпы... В этот момент он словно поскальзывается, голова – почти на асфальте, микрофон с грохотом падает. Из автобуса, сдающего задом, выпрыгивают муравьи, все они вооружены, на каждом камуфляж и шлем с надписями. Они разрезают мир своими щитами. В одной части остаются существовать растерянные люди, в другой – автозак Городничева с решеткой на лобовом стекле. Знамена летят во тьму, кто-то пытается убежать, но никому не спасись, дикая злая сила волочет добычу в нору. Мигая синими огоньками, автобус медленно плывет сквозь толпу. Растерянные люди с обеих сторон смотрят, как Лука за стеклом пытается что-то артикулировать. Понять ничего нельзя – то ли он призывает всех спокойно разойтись, то ли зовет за своим автозаком в прекрасное завтра...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.